

Раннее творчество Бориса Чичибабина

Выдающийся русский поэт Борис Чичибабин (1923–1994) мог бы носить имя Борис Иванович Авдеев, но из-за раннего разрыва его матери с первым мужем мальчик полуторагодовалым был усыновлен отчимом А.Е. Полушиным, офицером-авиатором, очень достойным человеком. Потому по паспорту стал Борисом Алексеевичем Полушиным, но для публикации своих произведений избрал фамилию матери, происходившей из видного русско-украинского рода (брат деда Бориса Алексеевича — известный химик академик А.Е. Чичибабин).

Стихи Б.А. Чичибабина стали впервые известны любителям в оттепельные 1960-е гг.: они начали печататься в газетах и журналах, в Харькове и Москве вышли четыре поэтических сборника¹. Однако подлинная слава к поэту пришла незадолго до его кончины, в годы горбачевской перестройки и развала Советского Союза. Один за другим в Москве, Киеве, Харькове появлялись объемные сборники его стихотворений², его приглашали с творческими вечерами в известные клубы, а в Москве еще и на телевидение, о нем снимались документальные фильмы, на самом закате советского строя он получил Государственную премию СССР (1990). А после кончины Бориса Алексеевича выходят в свет почти полные собрания его сочинений.

Но даже в наиболее крупном его собрании стихотворений, подготовленном к изданию вдовой поэта Л.С. Карась-Чичибабиной³, из самых ранних опубликованы лишь кавказские зарисовки солдата Великой Отечественной войны (он был призван в армию в 1942 г.). А исследователю всегда интересно увидеть самые ранние опыты, понять зародыши и истоки зрелого творчества. К счастью, родные и друзья Бориса Алексеевича сохранили рукописи полудетских стихов поэта 1937–1939 гг. и его стихотворений и поэм 1941 г., первых месяцев Великой войны (они ныне находятся в архивохранилищах Москвы и Харькова и частично у вдовы). С любезного разрешения Л.С. Карась-Чичибабиной, владеющей и копиями сданных в государствен-

ные архивы рукописей, мы имеем возможность изучать эти тексты и обнародовать первые результаты такого изучения, свидетельствующие о своеобразии раннего периода и в то же время о наличии самых разных ростков будущего зрелого творчества.

По воспоминаниям сестры Чичибабина Лидии Гревизирской и его одноклассников он начал сочинять стихи еще в «детсадовском» возрасте, а в школе уже был известным поэтом, печатаясь в стенгазете и даже в районной прессе (семья жила в 1935–1941 гг. в районном центре Харьковской области Чугуеве). Борис Алексеевич любил подписывать свои стихотворения звучным именем Борис-Рифмач. Думается, юный поэт придумал этот псевдоним по примеру знаменитого тогда В.И. Лебедева-Кумача, прославившегося песнями из популярных кинофильмов.

Сохранилось больше десяти стихотворений юношеского периода 1937–1939 гг., ярко характеризующих его общественные и художественные вкусы и идеалы той поры — колоритную смесь массово-типического и индивидуального. В школьные годы, как и большинство детей нашей страны, он был очень «советским», понимавшим тогдашний строй идеализированно и придававшим ему самые высокие нравственные качества, так как видел творческий подъем в стране (следует учесть, что культ свободного и общенародного созидания имел в первые годы советского строя некоторую реальную почву). В совсем взрослом стихотворении «Политические сонеты» Борис Алексеевич писал:

...Любой из нас был с отрочества рад
служить добру, не требуя наград,
жизнь отдавать сполна и не однажды
за лучший мир, в котором был бы каждый
для каждого и каждой друг и брат...

Он с энтузиазмом вступил в пионерскую организацию, а позднее в комсомольскую. Он верил в высокие идеалы коммунизма, в «заветы Ленина», в мощь Красной армии, в символические знаки советского строя — красное знамя и пятиконечную красную звезду. Его тогда не поколебали ни фактическое

уничтожение самого трудового слоя отечественного крестьянства и чудовищный голод на Украине 1930–1933 гг. (в те годы поэт был еще мал, а семьи военнослужащих имели относительно сносное снабжение), ни страшные всеобщие казни 1937–1938 гг.: тут он стал уже достаточно взрослым и не мог не знать об арестах ни в чем не повинных родного деда и двух дедовых братьев. Но Борис Алексеевич был твердый орешек, он никогда не страдал легковесностью; впитанное чуть ли не с пеленок мировоззрение было не так легко разрушить. Лишь при невыносимых потерях периода Великой Отечественной войны, почти целиком объясняемых пороками системы и видимых невооруженным глазом, стали появляться трещины в стройной системе его взглядов. Возможно, и студенческая жизнь в Харьковском университете в 1940/41 учебном году уже начала создавать эти трещины.

Но в тридцатых годах в стихах юного поэта таких трещин не было, все было целостно (впрочем, с одной существенной оговоркой, о чем будет сказано ниже). Описывались в основном знаменательные события и пафосные, взволнованные чувства поэта по этому поводу: празднование 20-летия советской власти, встреча папанинцев, вернувшихся из ледовой вахты у Северного полюса, ежегодное чествование дня Парижской коммуны 18 марта. Эти события до сих пор не исчезли из памяти людей, живших в ту эпоху, а тогда это были вообще крупные общенародные праздники. Чичибабин их описывает ликующе, вдохновенно. Вот начало стихотворения «Взгляни, товарищ» (ноябрь 1937 г.), посвященного 20-летию советской власти:

Мой край родной алеет красотой,
Прекрасней сказки делаются были.
Цветет страна и расцветает жизнь,
И песня наша весело поется.
Эй, друг, держись! Растет и вдаль и ввысь
Страна, где людям весело живет.

(Забавно многозначно это «держись!»), но в любом случае грандиозность роста должна потрясти душу друга.) Повторы «весело» исходят из общего тона стихотворения, но следует учесть, что это психологическое состояние имеет у поэта глубоко личные корни. Родные и друзья отмечали веселость яркой чертой характера Бориса Алексеевича, и она пройдет потом сквозь всю его жизнь, в том числе и сквозь грозную войну, и особенно сквозь тюрьму и лагерь, где политическо-

му заключенному придется провести пять тяжелых лет. Потом душу поэта и гражданина будет все сильнее накрывать туча трагедийности, но веселость как заветный душевный уголок сохранится до конца.

В интенсивной для тридцатых годов песенной наполненности быта (кино, радио, патефон, концерты, семейное и товарищеское коллективное пение) Чичибабин не мог не использовать этот жанр (добрая половина его стихотворений тех лет — песни) и даже конкретные чужие тексты. В приведенной цитате заметна строка «Прекрасней сказки делаются были»: конечно, сразу вспоминается знаменитый авиамарш 1920-х гг. (слова П. Германа, музыка Ю. Хайта), позднее названный «Маршем Сталинской авиации», который начинался строкой «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Чуть ниже появляется строка «Шумит моя зеленая весна», сразу напоминающая «Зеленый шум» Н.А. Некрасова (здесь — начало важной для Чичибабина синестезии, слияния воедино образов различных органов чувств; в дальнейшем у поэта будут такие же соединения цвета и звука и цвета с запахом; и среди рассматриваемых ранних рукописных листов есть отдельная «одоральная» строка: «Ночь, запахшая клопами»).

А в другом стихотворении юный поэт использовал самый новейший марш.

Мы споем, ребята, о полях богатых,
О полях богатых песню запоем.
И под эту песню на конях чудесных,
На конях железных землю обойдем.
Обойдем и вспашем все просторы наши...

В этой «Песне о родных полях», датированной маем 1937 г., звучит отклик-перепев «Марша трактористов» В. Лебедева-Кумача (музыка И. Дунаевского) из только что выпущенного на экраны киевского фильма И.И. Пырьева «Богатая невеста».

Любопытно, что Лебедев-Кумач ради рифмы и ритма допустил логическую оплошность в припеве:

Мы с чудесным конем
Все поля обойдем,
Соберем, и посеем, и вспашем,
<...>
...по республикам нашим.

Автор нарушил последовательность этапов, надо было бы наоборот: вспашем — посеем — соберем. А юный Чичибабин не ввел в свои стихи всю триаду, ограничившись толь-

ко «вспашем», — видимо, чувствовал промашку известного поэта.

Следует еще учесть, что эпитет «чудесным» не очень подходил к коню-трактору, недаром самое начало песни-марша звучит «металлически»: «Ой вы, кони, вы, кони стальные...»; и уже в 1938 г., через год после появления фильма, первая строка припева стала произноситься «Мы с железным конем...» — уже так марш исполнялся хором и оркестром под управлением И. Дунаевского. Значит, или сам Лебедев-Кумач заменил слово, или замена произошла под «фольклорным» давлением: народ стал петь именно так. А Чичибабин как бы соединил оба варианта: он в одной строфе назвал рядом «коней чудесных» и «коней железных».

И еще одна любопытная вещь. То ли Лебедев-Кумач знал гулявшую по свету неприличную песенку «Мы не сеем и не пашем, / Мы валяем дурака...», то ли сама песенка возникла как пародия на «Марш трактористов» (ведь уже много лет позднее Э. Рязанов и А. Петров создали для Сергея и Татьяны Никитиных в кинофильме «Забытая мелодия для флейты» остроумную песенку-перепев: «Мы не пашем, не сеем, не строим, / Мы гордимся общественным строем...» — здесь логичность соблюдена!). И Чичибабин, возможно, зная похабную песню и не желая ассоциаций, оставил только «вспашем».

«Песня о родных полях» демонстрирует один интересный прием, который поэт будет использовать в зрелом творчестве, — соединение обычных, бытовых образов с крупномасштабными (вплоть до космических). Песня начинается так:

Дружные ребята, парни и девчата,
Парни и девчата нашего села,
Запевайте песню о земле чудесной,
Так, чтоб эта песня землю обошла!

В третьей строке «земля» хотя и романтизирована («чудесная»), но это земля реальная, она — «нашего села». Но в четвертой строке «земля» — уже весь земной шар, ее бы надо писать с большой буквы, что и произойдет в конце стихотворения:

Встанет, развернется, песне улыбнется,
Зычно рассмеется матушка Земля.

В фольклоре есть прием, названный специалистами «ступенчатое сужение образов», — когда повествование переходит от крупных объектов ко все более мелким и частным. А прием Чичибабина можно назвать «ступенча-

тое расширение образов»: переход от «ребят» к «нашему селу», а от «нашего села» к «матушке Земле». И здесь проявляется еще один будущий характерный прием поэта — смешение стилей. Торжественная матушка Земля вдруг «зычно рассмеется». Забавно звучит!

Отмеченная выше цельность мировоззрения и описаний Бориса Алексеевича имеет, однако, одну существенную особенность: она относится только к советскому миру. А ему противостоит мир чужой и враждебный, мир капиталистический. Эта антиномия — не личная специфика поэта, она воспитана общим духом сталинской эпохи. «Мы и они» рассматриваются и исторически, и сиюминутно, и в проекциях на будущее. Уже цитированное стихотворение «Взгляни, товарищ» начинается с оглядки на возникновение советской власти и Гражданскую войну:

Взгляни вокруг, товарищ дорогой,
Какую жизнь в сраженьях мы добыли!

И в конце стихотворения:

Взгляни вокруг, любимый старый друг,
И молви: «Кровь пролили мы недаром».

В «Песне 18 марта» (о дне Парижской коммуны) поэт уходит еще глубже в историю Европы и расширяет ее до современности: классовая борьба продолжается, «и не погиб Коммуны дух!». Потому-то «над миром реет наше знамя», враг будет повсюду разбит.

Интенсивное продолжение этой темы находим в «Песне красному знамени», призывающей

окончить давний бой,
Чтоб дунул свежий ветер
Над планетой голубой.

Да, поэт мечтает о победе советского строя на всем земном шаре.

Чтобы счастья пятикрылость
Всей земле давала свет,
И земля вся озарилась
В знаменитый красный цвет.

«Пятикрылость» — ясный намек на пятиконечную красную звезду, символ строя (нам, тогдашним пионерам, старшие объясняли, что пять углов-концов означает будущую победу красного строя на всех пяти частях света: Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия; Антарктида тогда не учитывалась).

«Песню красному знамени» необходимо знать изучающему зрелое творчество Чичибабина — от нее идет прямой путь к про-

граммному стихотворению поэта «Клянусь на знамени веселом...» (1959).

А «пятыкрылость» помогает расшифровать слова из любовного стихотворения первых послевоенных месяцев «Улыбнись мне спросоношка...»: там над любимой встает «пятыкрылое солнышко». Что сие значит? Невольно вспоминается шестыкрылый серафим, но почему здесь пять крыльев? И лишь зная «пятыкрылость» «Песни красному знамени», можно с уверенностью сказать, что это образ пятыконечной звезды — он продолжал быть дорогим для поэта.

Юный поэт интересуется и историей Советского Союза: сохранилась «Песня о Царицыне-Сталинграде» — об обороне Царицына в Гражданскую войну. Думается, что Чичибабин изучал историческую литературу. В «Песне» есть такая строфа:

Богатырь непобежденный —
Богатырский наш народ.
Ворошилов и Буденный
Повели войска в поход.

Сейчас уже широко известно, что знаменитые буденновские шлемы заимствованы из солдатских головных уборов, пошитых в конце Первой мировой войны и названных на заре советской власти «богатырки», а в кавалерийских частях периода Гражданской войны, руководимых С.М. Буденным, они стали именоваться «буденовками». Нет ли в стихах юного поэта намек на его знание о судьбе богатырок? Рядом с песней о Царицыне есть заглавие «Песня о Буденном», но без текста. То ли сама песня не сохранилась, то ли и не была написана.

Любопытно, что в «Песне о Царицыне-Сталинграде» ни разу не назван Сталин; но есть другое детское стихотворение начинающего поэта об обороне Царицына, где уже воздано вождю:

И родной Иосиф Сталин
К нам приехал победить

(заслуги Сталина стали раздуваться очень рано: ведь Царицын был переименован в Сталинград в 1925 г.).

Стихотворные рукописи юного Чичибабина испещрены интересными литературными и музыкальными списками (имена авторов и названия некоторых произведений). Самый большой список — литературный (он на листке, где есть дата: ноябрь 1937):

Державин. Жуковский. Пушкин. Лермонтов. Баратынский. Языков. Кольцов. Тютчев.

Майков. Фет. А. Толстой. Никитин. Некрасов. Курочкин. Полонский. Надсон. Брюсов. Бальмонт. Блок. Есенин. Маяковский. Пастернак. Тихонов. Багрицкий. Лебедев-Кумач. Асеев. Симонов. Кирсанов.

Бернс. Байрон. Шелли. Теннисон. Брунинг. Киплинг. Беранже. Гюго. Ламартин. Бодлер. Рембо. Верлен. Верхарн. Шиллер. Гете. Гейне. Мицкевич. Словацкий. Петрарка. Данте. Шекспир. Ариосто. Тассо. Мильтон. Э. По.

В. Скотт (здесь и далее подчеркнуто Б.А. Чичибабиным. — Б.Е.). Квентин Дорвард. Айвенго. Талисман. Вэверлей. Роберт, граф Парижский. В. Гюго. Собор Парижской богородицы. Человек, который смеется. Десяносто третий. А. де Виньи. Сен-Марс.

К сожалению, мы не знаем, означает ли этот перечень, что авторы и романы прочитаны, или он только является замыслом-заданием. Включение в список поэтов К. Симонова несколько колеблет датировку. Первые стихи Симонова появились в журналах 1937–1938 гг., но широко известен он стал в 1939 г.

На других рукописных листках имеются списки оперетт и опер:

Штраус. Цыганский барон. Летучая мышь. Оффенбах. Дочь тамбур-мажора. Прекрасная Елена. Орфей в аду. Перикола. Парижская жизнь. Лекок. Дочь Анго. Зеленый остров. Жирофле-Жирофля. Целлер. Мартин-рудокоп. Продавец птиц. Милькер. Нищий студент. Планкет. Корневильские колокола. Зуппе. Бокаччио. Колло. Мариэтта. Джонс. Гейша. Фримль, Стоггарт. Роз-Мари. Кальман. Сильва. Марица. Фиалка Монмартра. Стрельников. Холопка.

Моцарт. Дон Жуан. Свадьба Фигаро. Россини. Золушка. Севильский цирюльник. Вильгельм Телль. Верди. Трубадур. Травиата. Фальстаф. Аида. Мейербер. Гугеноты. Оффенбах. Сказки Гофмана. Гуно. Фауст. Бизе. Кармен. Глинка. Иван Сусанин. Руслан и Людмила. Даргомыжский. Русалка. Мусоргский. Борис Годунов. Хованщина. Сорочинская ярмарка. Бородин. Князь Игорь. Чайковский. Евгений Онегин. Пиковая дама. Черевички. Римский-Корсаков. Снегурочка. Сказание о граде Китеже. Царская невеста. Сказки Пушкина. Направник. Дубровский. Рубинштейн. Демон. Верстовский. Аскольдова могила. Хренников. В бурю. Держинский. Тихий Дон. Поднятая целина. Гроза. Кабалевский. Кола Брюньон.

Интересно, мог ли Борис Алексеевич видеть все эти спектакли в харьковских театрах? И могли ли родители привозить его в Харьков — ведь семья жила тогда в Чугуеве. Скорее всего, главным источником был хороший радиоприемник, но здесь еще требуется серьезное биографическое и театроведческое исследование.

Есть еще список кинофильмов А. Довженко, одного из самых любимых Чичибабиным кинорежиссеров: «Арсенал. Земля. Аэроград. Щорс». А в последующие годы появятся новые интересные перечни.

Если данные списки являются лишь желаемыми («дезидерата»), все равно они показывают высокое интеллектуальное развитие юноши. О его энциклопедической образованности свидетельствует и список из пятидесяти имен всемирно известных путешественников, ученых, композиторов, артистов, живописцев и скульпторов. Цель этого перечня не ясна (кого я знаю? о ком мне надо почитать?), но размах его поражает.

С таким творческим багажом молодой поэт подходил к началу Второй мировой войны и чуть позднее — к началу Великой Отечест-

венной. Заканчивалась учеба в средней школе, впереди виднелся исторический факультет Харьковского университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чичибабин Б.А. Мороз и солнце: Книга лирики. Харьков, 1963; *Он же*. Молодость. М.: Сов. писатель, 1963; *Он же*. Гармония: Книга лирики. Харьков: Прапор, 1965; *Он же*. Плывет Аврора: Книга лирики. Харьков: Прапор, 1968.

² См., напр.: Чичибабин Б.А. Колокол: Стихи. М.: Известия, 1989; *Он же*. Мои шестидесятые. Киев: Дніпро, 1990; *Он же*. Цветение картошки: Книга лирики. М.: Моск. рабочий, 1994; и др.

³ Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений. Харьков: Фолио, 2009.